

– Допустим, что в такт, но только без тамбурина и флейты, – сказал доктор.

– Признаюсь, это было бы очень некрасиво, – ответила дама.

– Так неужели, – продолжал доктор, – какая-то просверленная деревяшка и ведро, обтянутое с обеих сторон кожей, обладают столь чудодейственной силой, что способны вызвать в вас восхищение вещью, коей глупость совершенно очевидна?

– А почему бы и нет? – сказала дама. – Вам известно, какой силой обладает музыка. Звук, издаваемый инструментом, входит в душу человека, а душа приказывает телу, которое для того только и существует, чтобы знаками и движениями выражать ее склонность к радости или к печали. Вам известно, что печальные люди имеют совсем иной вид, нежели веселые и довольные. Кроме того, как вы сами постоянно говорите, во всем нужно обращать внимание на обстоятельства. Барабанщик, играющий совсем один, подобен проповеднику, который читает проповедь без слушателей. Люди, танцующие без музыки или песен, подобны слушателям, собравшимся на проповедь без проповедника. Если бы вы были правы, нас следовало бы лишить ног и ушей. Уверю вас, – продолжала она, – что если бы я, даже лежа в гробу, услышала звуки скрипки, я встала бы и пустилась бы танцевать. Игроки в мяч еще с большим увлечением бегают за маленьким кожаным или шерстяным шариком, нежели танцоры, и отдаются этому занятию с такой страстью, что иногда бывают готовы перебить друг друга насмерть. А ведь эта игра куда хуже танцев! Она ведется без музыки и лишена той удивительной увлекательности, которая свойственна танцам. И зачем чуждаться радостей этого мира? Если бы вы пожелали быть правдивым, то, осуждая развлечения, вы признались бы, что осуждаете лишь дурные развлечения, ибо вы отлично знаете, что в этом мире нельзя жить без удовольствий. Конечно, нужно лишь, чтобы ими не увлекались сверх меры.

Доктор хотел возразить, но тут его окружили женщины, и в их присутствии он был вынужден замолчать, боясь, как бы они не увлекли его танцевать. Может быть, это было бы для него лучше, – кто знает?

Новелла XL

О том, как один священник исповедовал каменщика

В одном селении служил священник, весьма гордившийся тем, что, кроме своего Катона,²⁰⁹ изучал «De syntaxi»²¹⁰ и «Fauste precor gelida».²¹¹ Он сильно зазнавался, щеголял высокопарными речами и употреблял мудреные слова, которые застревают во рту, и воображал себя величайшим ученым. Даже опрашивая исповедовавшихся, он употреблял иногда такие слова, что бедные прихожане только смотрели на него, вытаращив глаза.

Однажды, исповедуя одного бедного поденщика, он спросил:

– Не был ли ты честолюбивым, сын мой?

Бедняк ответил, что не был. Он полагал, что это слово употребляется только знатными господами, и раскаивался в том, что пришел исповедоваться к этому важному священнику, который говорит такие мудреные слова, как «честолюбив». Может быть, это слово поденщик когда-нибудь и слышал, но не знал, что оно значит. Между тем священник продолжал его спрашивать:

– Не прелюбодействовал ли?

– Нет.

– Не был ли неумерен в пище?

– Нет.

– Не был ли горделивым?

А поденщик все отвечает: «Нет».

– Не был ли гневливым?

И еще того менее. Видя, что исповедовавшийся на все вопросы отвечает «нет», священник

---

²⁰⁹ Катон. – Имеется в виду очень популярный в средние века латинский сборник моральных изречений и наставлений, составленный в IV в.

²¹⁰ «О синтаксисе» – учебное пособие по латинскому языку Жана Депотера, впервые изданное в 1513 г.

²¹¹ Начало первой эклоги итальянского латиноязычного поэта Мантуануса, пользовавшегося большей популярностью в Европе XVI в.